

Чу Цин подумал про себя, что разница между ними слишком велика, и не удержался от вопроса:

— Господин Хо, как вы жили раньше?

Хо Ли опешил, не ожидая, что Чу Цин задаст такой вопрос.

Хо Ли на мгновение задумался, затем ответил:

— Это была жизнь, в которой невозможно было нормально спать по ночам.

— Почему?

— Потому что не было абсолютно безопасного места, где я мог бы спокойно выспаться, — легкомысленно произнёс Хо Ли. — Снаружи было много злобных волков, что подстерегали.

Чу Цин с беспокойством спросил:

— А сейчас?

— Сейчас такого уже нет, — Хо Ли пальцем погладил ладонь Чу Цина, одновременно дразня его, — рядом есть золотой папочка, каждую ночь сплю прекрасно. Конечно, если бы золотой папочка мог воспользоваться своими правами, чтобы немного потираниить меня, я бы спал ещё лучше.

Чу Цин: «...»

Перед ним стоял высокий, могучего телосложения мужчина с кубиками пресса, который с интонацией, сравнимой с Siri и Google Ассистентом, произносил ужасные реплики.

И ещё... ещё говорил что-то про «потираниить»...

Чу Цин пробормотал:

— Это же вы меня тираните...

— О? Объясни, как именно тираню, — рука Хо Ли, лежащая на талии Чу Цина, скользнула вверх-вниз, и он с удовлетворением наблюдал, как лицо человека в его объятиях вновь покраснело.

— Н... никак...

Чу Цин изо всех сил старался не сбиться с мысли из-за словесной шелухи, которой Хо Ли сыпал ему в лицо, и продолжил спрашивать:

— А сейчас? Те злобные волки ещё существуют? Господин Хо, сейчас у вас всё хорошо?

Хо Ли вздохнул, подумав про себя, что малыша становится всё труднее обманывать.

— Я разобрался с этим перед возвращением на родину. Цин Бао, не забывай, я же банкрот, — Хо Ли подмигнул и улыбнулся, — золотой таз для омовения рук.

Эта фраза была наполовину правдой, наполовину ложью.

Но Хо Ли считал, что это не обман. Он действительно намеревался «омыть руки в золотом тазу», просто всё должно идти постепенно, нельзя вот так взять и в один миг выйти из игры.

По крайней мере, сейчас он уже не в том водовороте и может спокойно быть рядом с Чу Цинюм, медленно обустривая свою жизнь.

— О... Значит, господин Хо теперь в безопасности?

— В безопасности, абсолютно в безопасности, — Хо Ли ущипнул Чу Цина за ухо. — Малыш, копающий до корней, я тоже хочу тебя спросить. Ты ещё не ответил мне: братишка очень красивый?

«...»

— М-м?

Чу Цин запинаясь проговорил:

— Я думаю...

Чу Цин замолчал на несколько мгновений, затем тихо произнёс:

— Я думаю, вы как звезда, упавшая с неба.

Хо Ли опешил, затем рассмеялся:

— Может, это ты меня сорвал?

Чу Цин отвернулся.

— Ой, Цин Бао, зачем же ты меня сорвал? Ты должен нести ответственность, теперь тебе придётся меня содержать.

Чу Цин подавил учащённое сердцебиение и сказал:

— Сосредоточься на танце...

На следующий день, умывшись, Чу Цин сначала хотел пойти в тренировочный зал, но, вспомнив, что придётся столкнуться с другими участниками, особенно с тем назойливым Цзяо Чансюем, отступил.

Чу Цин изначально хотел ладить с остальными, но вчерашний опыт был не самым приятным, поэтому он отбросил мысль выходить.

Чу Цин устроился в своём одеяле с гитарой, сочиняя песню. Его рука ещё не полностью зажила, но через перчатку можно было легко перебирать струны, чтобы поймать чувство.

Оператор, снимающий закадровые материалы, предварительно связался с Хо Ли, а затем прибежал на съёмку.

После нескольких выступлений Чу Цин мгновенно прославился, его популярность даже могла сравниться с популярностью Цзяо Чансюя, поэтому съёмочная группа программы,

естественно, тоже хотела побольше снять для прямого эфира.

[Аххх, Цин Бао и правда неотличим от солнечного цветочного красавчика, сошедшего со страниц манги! Такой красивый! И правда, симпатичный парень с гитарой — это смертельно!]

[Цин Бао, держись! Мы в тебя верим!]

[Тьфу... У Чу Цина в прошлых выступлениях просто повезло: в первый раз подогрели старую тему, во второй раз ему досталась сложная, но хорошо раскрываемая тема, на этот раз удачи не будет.]

[Я думаю, музыкальный талант Чу Цина не такой уж выдающийся. Чисто поклонницы из индустрии, не выдавшие жизни и не видевшие выступлений настоящих музыкантов, раздули его. Мир огромен, вам стоит посмотреть на него побольше.]

[Несколько хейтеров наверху совсем сбрендили?! Это же прямая трансляция Цин Цина, не нравится — катитесь! Не приходите сюда провоцировать!]

В общем, поскольку за Чу Цином тянулись такие тёмные пятна, как содержание и характер, глубоко укоренившиеся, хейтеры никогда не отсутствовали, но отличие было в том, что теперь за него стали заступаться.

А в этот момент Чу Цин с полной концентрацией выписывал в тетрадь ряд за рядом музыкальные ноты, настолько сосредоточенный, словно потерял восприятие внешнего мира.

На самом деле, Чу Цин и правда ничего не ощущал извне, погрузившись в свой маленький мир.

Поэтому, когда затем пришли Цзяо Чансюй и Ань Ицзэ, Чу Цин вообще не обратил на них внимания.

Цзяо Чансюй на мгновение замер, подумав, что Чу Цин всё ещё злится, затем осторожно присел на стул у кровати и с улыбкой произнёс:

— Учитель Чу, добрый день.

«...»

— Учитель Чу?

«...»

Цзяо Чансюй стало неловко, он тактически откинулся назад.

Ань Ицзэ уже привык, сел в сторонку, обнял гитару и стал перебирать струны. Видя, как Цзяо Чансюй действительно неловко, он с безразличием завёл с ним разговор:

— Учитель Цзяо, у меня загвоздка с мелизмом, не могли бы вы помочь мне его исправить?

Цзяо Чансюй с благодарностью повернулся к Ань Ицзэ и заговорил.

Затем Цзяо Чансюй время от времени пытался заговорить с Чу Цином, но тот не отвечал, максимум — с недоумением взглянул на него.

У Чу Цина сейчас бил ключом источник вдохновения, он что-то придумал. Он хотел объединить

классическую музыку, создать песню лучше и интереснее.

У Чу Цина редко бывал такой боевой настрой, но на этот раз он хотел постараться на славу.

Сейчас демо уже понемногу появлялось, мелодия была ровной, сдержанной, даже несколько замысловатой.

Чу Цин хотел не только бросить вызов никогда не испробованному танцу, но и попробовать другой музыкальный стиль. А именно — мелодию почти без перепадов, ровную, спокойную... даже унылую. То есть нужно было из унылой песни и мелодии извлечь смысл.

Такое настроение очень соответствовало фантазиям Чу Цина о недожданной любви.

[Что за чушь? Этот Чу Цин уже переходит все границы! Впервые вижу такого невежливого человека. Выучил немного нотную грамоту и уже считаешь себя первым в мире?]

[Чего вообще недовольны фанаты Цзяо Чансюя??! Я даже не выражаю недовольства за учителя Чу! Почему вы всегда приходите лизать ему и мешать нашему учителю Чу?! Дайте ребёнку пространство для творчества, ладно? Тьфу, тьфу, тьфу, неужели Цзяо Чансюй и правда влюбился в учителя Чу?]

[Брат Сюй по натуре дружелюбный и добрый, ко всем так относится, ок? Брат Сюй просто пожалел Чу Цина и заговорил с ним, а тот ещё и проигнорировал его, доброта обернулась против него самого. Говорящим про подлиз — открывайте глаза пошире! Брат Сюй зашёл вместе с Ань Ицзэ! Какое это имеет отношение к Чу Цину? Почему вы не называете подлизой Ань Ицзэ?!]

[Странные высказывания, разве Ань Ицзэ не вернулся в свою комнату?]

[Указание на блог госпожи «Большой цветок Ватикана» — подробный анализ мотивов Чу Цина играть в «поймай-отпусти»! Он просто стерва!]

[Совсем с ума посходили?? Я тоже дам указание — посмотрите, как ваш брат Сюй лижет и тянет соки. Вот ссылка →]

В общем, фанаты Цзяо Чансюя и Чу Цина ругались с самого начала трансляции программы, каждый считал, что объект обожания противоположной стороны — подлиза, а их взаимодействие бесконечно преувеличивалось.

Поскольку они не сговорились раскручивать слухи о романе и не контролировали ситуацию, а Чу Цин и вовсе не щадил Цзяо Чансюя, ссоры между фанатами с обеих сторон становились всё ожесточённые.

Цзяо Чансюй, естественно, знал об этой ситуации, поэтому после окончания записи, увидев, что Ань Ицзэ ушёл мыться, он похлопал Чу Цина по плечу:

— Учитель Чу, поговорим?

— А...?

Чу Цин отложил ручку и посмотрел на Цзяо Чансюя.

Цзяо Чансюй перешёл прямо к делу:

— Учитель Чу, задумывался о том, чтобы раскручивать слухи о романе с кем-то из съёмочной группы, чтобы повысить известность?

— ...?

Цзяо Чансюй сказал:

— Наши фанаты сейчас сильно ссорятся между собой, они думают, что ты меня не любишь.

— А... Я тебя не люблю, — подумал про себя Чу Цин, до такого ведь не дошло.

— Угу, если ты меня не любишь, можем ли мы перед камерами вести себя немного более близко? — улыбнулся Цзяо Чансюй. — Это принесёт только пользу.

— Э-э... — даже Чу Цин, при всей его простоте, уловил суть, нахмурился и спросил:

— Учитель Цзяо хочет раскручивать слухи о романе со мной?

Цзяо Чансюй кивнул.

Чу Цин покачал головой:

— Не хочу.

«...»

Цзяо Чансюй уже постепенно привыкал к этому чрезмерно прямому отказу и быстро нашёл выход из положения:

— Учитель Чу... я... ты мне нравишься.

Чу Цин опешил.

Впервые в жизни он слышал, как кто-то, причём не очень близкий, говорит, что он ему нравится, да ещё и повторяет это дважды.

<http://bllate.org/book/15588/1395571>